
Катрина Яснева
РАЗВОД
Умолять будешь ты

Катрина Яснева

Развод. Умолять будешь ты

«Автор»
2026

Яснева К.

Развод. Умолять будешь ты / К. Яснева — «Автор», 2026

Муж сказал мне: "Пошла вон из моего дома". Он больше не верит, что наша четырехлетняя дочь - его родной ребенок. Он обвинил меня в измене. - То есть ты прямо сейчас, ночью, - недоверчиво спросила я, - выгоняешь меня и свою родную дочь на улицу?- Свою?! - в голосе была слышна ярость. - Ты до последнего будешь врать?Он пока не знает, что я снова беременна.Зато я знаю, что никакой измены не было, и именно он — отец Алисы и будущего малыша.А еще я знаю, что предателей прощать нельзя. Когда он поймет, как заблуждался, и приползет просить прощения, я знаю, что скажу ему.НЕТ.- Ты бы рыдала и умоляла тебя простить! - заявил он.- Рыдать и умолять будешь ты, - спокойно ответила я. - Когда поймешь, что ошибся. На колени встанешь, будешь меня о прощении умолять. Но будет поздно, Игорь.

© Яснева К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Катрина Яснева
Развод. Умолять будешь ты

Глава 1

Таня

Муж вернулся домой с работы, и я, счастливая, поспешила ему навстречу.

В тот момент я даже подумать не могла, что за ад ждет меня через минуту или две.

У меня в кармане лежал тест с двумя полосками, и с самого утра я носила эту тайну в себе, как теплый уголек, и все придумывала, как красивее сказать Игорю, что у нас будет второй малыш.

Он вошел, и я сразу поняла: что-то не так.

Последние несколько дней Игорь был странным. Холодным, отчужденным, не таким, как всегда. Возвращался поздно, отвечал односложно, ночью лежал спиной ко мне, и его спина была, как стена. Я списывала все на усталость — у него горел крупный проект, он с утра до ночи пропадал на работе. Жалела его — заработался совсем.

Оказалось, дело было не в работе.

Я обняла его в прихожей, как всегда, поцеловала в щеку. Вот только Игорь не обнял меня и не поцеловал в ответ.

— Нам надо поговорить, — сказал он. — Пойдем в комнату.

У меня мурашки побежали по коже — кажется, что-то случилось. Это было страшно — страшно узнать.

Но я не стала приставать с расспросами прямо там, у входа, а прошла, конечно, за ним в гостиную.

И только переступив порог и замерев у двери, спросила:

— Что-то случилось, да?

Игорь остановился посреди комнаты, обернулся ко мне. Одна рука в кармане, в другой — какие-то бумаги, сложенные пополам. Лицо — совершенно каменное.

— Где Алиса?

— У себя. Мы с ней договорились, она полчаса мультики смотрит, еще минут десять осталось. А что…

— Хорошо. — Игорь нахмурился. — Сядь.

— Ты меня пугаешь.

— Сядь, Таня.

Почти всегда Игорь называет меня Танюшей, и от этого ледяного «Таня» екнуло сердце. Я прошла в комнату и села на краешек дивана. Игорь приблизился и бросил бумаги на журнальный столик передо мной.

— Что это? — пробормотала я.

— Читай.

Я взяла верхний лист. Строгий бланк, логотип, какие-то графы, цифры, проценты. «Медико-генетический центр ДНК-Гарант». Я скользнула взглядом вниз и наткнулась на строчку, от которой у меня все поплыло перед глазами:

«Вероятность — 0%. Биологическое отцовство Дмитриева Игоря Владимировича в отношении Дмитриевой Алисы Игоревны исключено».

Я подняла на него глаза.

— Игорь, что за бред?

— Это тест ДНК, — сказал он ровно. — Оказывается, я не отец Алисы, Таня. Вот сюрприз, да?

Я засмеялась, так это было нелепо. Ну я-то точно знаю, что именно он — отец моей дочери. У меня просто-напросто не было других мужчин!

— Игорь, это какая-то чушь! Ты что, шутишь так?

— Разве я похож на клоуна?

Нет, конечно. Не похож.

— Значит, в тесте ошибка! — разозлилась я, отбрасывая глупую бумажку. — Ошибка в расчетах, перепутали пробирки, да мало ли! Надо переделать!

— Я так и подумал. Сначала.

Игорь усмехнулся, и усмешка у него была злая.

— Дурак, — добавил он, — подумал, что ошибка. Поэтому переделал еще раз, в другой лаборатории. А потом еще раз, в третьей.

Он наклонился и веером раскинул на столике остальные бумаги. Три разных бланка. «ДНК-Гарант». «Лаборатория Геноме». «Центр молекулярной диагностики Витес».

И на каждом — один и тот же результат. Ноль процентов. Отцовство не может быть подтверждено. Биологическим отцом не является.

— Три теста, Таня, — сказал он тихо. — Независимые друг от друга лаборатории. Я потратил на это несколько дней. И везде — ноль процентов. Так что давай без спектаклей. Врать и отпираться бессмысленно.

Я смотрела на эти бумаги и не понимала ничего. Вообще ничего! Это было как читать книгу на незнакомом языке — буквы есть, а смысл не складывается.

Потому что… ну я же знаю! Я знаю абсолютно точно, что Алиса — его дочь! Я никогда ни с кем не спала, кроме Игоря! Мой муж и был у меня первым, моим единственным мужчиной. Всегда был только он.

— Этого не может быть, — прошептала я.

— Хватит.

— Игорь, ты не понимаешь, этого просто не может быть! — голос сорвался. — У меня никого не было, кроме тебя, ты же знаешь, ты сам… ты же первый! Как результат может…

— Прекрати! — рявкнул он в ответ и поморщился, будто ему было физически противно меня слушать. — Ты хоть представляешь, каково мне?

— Но... — я лихорадочно искала объяснение, хоть какое-нибудь. — Тогда, получается, Алису подменили? В роддоме, да? Перепутали детей, такое иногда бывает, я читала…

Я заплакала. Это, если честно, было страшно — думать, что в роддоме подменили ребенка. «Я никому ее не отдам, — успела подумать я. — Подменили или нет, мне все равно, я же люблю Алису!»

Игорь посмотрел на меня почти с жалостью.

— Ты сама-то себя слышишь? — спросил он. — Алиса — буквально твоя копия. Это на меня она совсем не похожа, а в твоем с ней родстве не приходится сомневаться. Не говоря уж о том, что у нас были партнерские роды, я стоял рядом и видел, как Алиса появилась на свет. Я точно заметил бы, если бы произошла путаница с детьми.

Я молчала, мне нечего было сказать. Да, Алиса на меня похожа — моя маленькая копия. Такая же рыжая, как я, и глаза мои — зеленые. И роды я помню до секунды. Помню, как Игорь, огромный, растерянный, потрясенным взглядом смотрел на Алису, когда ему дали ее подержать…

Не было никакой подмены в роддоме. Не могло быть.

Но и измены ведь не было тоже! Я никогда не изменяла Игорю, это я знала наверняка!

Что-то тут не сходилось.

***

Пока я смотрела на Игоря и не могла ничего понять, а он мрачно смотрел на меня, в комнату вбежала Алиса.

— Папа, ты плишел с лаботы! — она кинулась к нему, растопырив ручки, как всегда, когда он возвращался домой.

И Игорь подхватил ее — как делал тысячу раз. Поднял, прижал к себе, а она обняла его за шею и уткнулась носом ему в щеку.

Я столько раз видела эту картину. Мой муж и моя дочь. Самое прекрасное, что есть в моей жизни. Я всегда замирала от нежности, глядя на них.

А сейчас я смотрела на лицо Игоря и видела на нем растерянность. Он держал Алису — и не знал, как держать. Любил — и запрещал себе любить.

— Лисичка, — хрипло сказал он. — Иди поиграй пока, ладно? Нам с мамой нужно еще немножко поговорить.

— А потом ты пойдешь со мной стлоить замок?

— Иди, солнышко.

Он опустил ее, Алиса скользнула на пол и убежала. У двери обернулась, махнула ему рукой. Он махнул в ответ.

Мы остались вдвоем.

— Ты больше не можешь жить в этом доме, — сказал Игорь.

Я не сразу поняла смысл этих слов, как будто они до меня не дошли.

— Что?

— Ты должна уйти. Сегодня. Немедленно, — Игорь отошел к окну и отвернулся, чтобы не смотреть на меня. — Я подам на развод. Мой юрист уже занимается.

— Игорь…

— И не рассчитывай, что хоть что-то получишь, — голос стал жестким, деловым. — Когда мы встретились, ты была нищей студенткой из общаги. Бизнес, дом, имущество — все было моим до тебя и останется моим. У меня будут лучшие адвокаты в городе. Ты уйдешь с тем, с чем пришла, Таня. Ни с чем.

Мне не хватало воздуха. Я сидела на диване и не могла сделать вдох. Все это происходит не со мной. Все это не может происходить со мной.

Я же люблю Игоря, а он любит меня и Алису! Как же он может говорить такие ужасные слова: развод, должна уйти?

Но вот он стоит передо мной и преспокойно сообщает, что уже вычеркнул нас с Алисой из своей жизни. И у него, кажется, даже не екает нигде.

— Ты правда прямо сейчас, ночью, — недоверчиво проговорила я, — выгоняешь меня и свою родную дочь на улицу?

Игорь резко повернулся.

— Свою?! — в голосе была слышна ярость. — Ты до последнего будешь врать?

— Ну, а чью же? — крикнула я в ответ.

— Знаешь, — вдруг спокойно заговорил он, и это было страшнее крика, — я ведь так любил Алису. И тебя любил. Все для вас… все для тебя. А теперь я тебя ненавижу. Не Алису, конечно, а тебя. Я даже думал забрать ее у тебя — потому что… да что ты за мамаша-то, ты же просто лживая тварь, чему ты научишь ребенка? Врать и изворачиваться, как ты? Да, очень жаль, что я не смогу забрать у тебя Алису, ведь она мне никто. Я не имею на нее прав.

Он говорил, а у меня душа медленно замерзала, покрывалась инеем. Ненависть — впервые в жизни к нему, к человеку, которого я так любила.

Он отказывается от Алисы. А она только что бежала к нему с распахнутыми ручками, такая доверчивая… А он оказывается — легко, без особых душевных терзаний, как от чужой.

Если бы мне кто-нибудь принес бумажку, что Алиса — не моя дочь, что ее подменили, что в ней нет ни капли моей крови, — я бы плюнула на эту бумажку, вот и все. Разорвала бы. Она моя дочь, потому что я ее люблю, потому что я растила ее, потому что она — это она. Никакая бумага не смогла бы этого отменить.

А Игорь смог. Значит, никогда не любил по-настоящему, ни ее, ни меня.

Когда до меня это дошло, я перестала плакать.

— Ладно, — сказала я. — Ты прав. Алиса — не твоя дочь.

Что-то дрогнуло в его лице.

— Ты сам сказал — ты ей никто, — продолжила я, поднимаясь. — На этом и остановимся. Ты больше не будешь иметь возможности видеться с Алисой. Никогда.

Я взяла со стола проклятые бумаги, разорвала по одной и швырнула на пол.

Игорь смотрел на меня, и на секунду мне показалось, что он растерялся. Что не такой реакции ждал. Может, ждал, что я упаду на колени, буду умолять, оправдываться.

Не дождется!

В ту секунду я приняла еще одно решение.

О втором ребенке я не скажу ему никогда. И слава богу, я что пока об этом даже не заикнулась.

Позже Игорь наверняка узнает — кто-то увидит меня с животом или уже с ребенком и передаст ему. Пусть думает, что хочет. Пусть считает, что нагуляла. Именно так он и посчитает, конечно. Вот и хорошо, мне спокойнее — не полезет отбирать.

— Пошла вон из моего дома, — сказал он ледяным голосом. — Возьми минимум вещей на пару дней, себе и Алисе, остальное упакуют и привезут, куда скажешь. Деньги, что я бросал тебе на карту, можешь оставить у себя, сколько есть. На первое время, думаю, там хватит. И учти, я это делаю исключительно ради Алисы. Она-то не виновата ни в чем. А не будь ее — я бы вышвырнул тебя без копейки. Валялась бы уже под забором, рыдала и умоляла простить.

— Рыдать и умолять будешь ты, — ответила я и сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Когда поймешь, что ошибся. На колени встанешь, будешь меня о прощении умолять… но будет поздно, Игорь.

Он засмеялся было, но тут же нахмурился.

— Уходи. Живи как знаешь, выкручивайся сама. Ты выкрутишься — такие, как ты, всегда выкручиваются. Машина у крыльца, водитель отвезет по любому адресу. Прощай, Таня. Для меня ты умерла.

Он развернулся и вышел.

А я схватила со столика тяжелую вазу и швырнула ему вслед. Дверь уже закрылась, ваза ударилась о нее и разлетелась на тысячу сверкающих осколков.

Как и моя жизнь полчаса назад.

Глава 2

Таня

Я собирала вещи механически, руки делали все сами. Джинсы, футболки, Алисины платьица, ее любимого плюшевого мишку без уха, документы, зарядки, гаджеты. Бросала в сумку не глядя.

А в голове крутилось одно: этого не может быть. Не-мо-жет-быть.

Я ведь знаю, что Алиса — его дочь. Это факт, такой же, как тот, что земля круглая. У меня никогда не было других мужчин. Не-бы-ло. Игорь был первым и единственным. Так откуда эти результаты, да еще и в трех разных лабораториях?

Ответа я не могла найти. И чем больше я думала, тем страшнее становилось — как будто я схожу с ума, как будто реальность треснула.

Но еще сильнее, чем это, меня жгло другое. То, как легко он все перечеркнул.

Мы женаты пять лет. А Игорь назвал меня лживой тварью. У него язык повернулся. А от Алисы отказался — от девочки, которую носил на руках, которой пел на ночь дурацкие песенки собственного сочинения, для которой скупал полмагазина игрушек, хотя я его ругала, что нельзя так баловать. Обожал ведь, в зубах был готов носить.

И вот — отказался. Выбросил ее из головы. За один вечер, из-за поганых бумажек.

Я вдруг вспомнила день, когда мы встретились впервые. Я была на четвертом курсе истфака, в общаге жила, подрабатывала по выходным в кофейне в центре, чтобы хватало на жизнь. Однажды в дождь Игорь влетел в эту кофейню — злой, вымокший, у него сломалась машина прямо у входа, и он ждал эвакуатор.

Мы еще не были знакомы. Игорь заказал эспрессо, я принесла. А он посмотрел на меня и… как он потом рассказывал, забыл про свою машину.

На следующий день Игорь снова пришел в нашу кофейню, уже специально. Так все и началось.

Он красиво ухаживал, дарил огромные букеты цветов, настоящие охапки — иногда так часто, что их некуда было девать в комнате общежития, не хватало ни ваз, ни трехлитровых банок. Игорь показал мне красивую жизнь — рестораны, поездки, море, на котором я не бывала до него.

Мне было двадцать два. Конечно, я влюбилась.

Дурочка, как я понимаю сейчас.

Впрочем, пять счастливых лет брака говорят, что не такая уж я дурочка. Я ведь вышла замуж не за деньги — за него. За то, как он смотрел, как смеялся, как обнимал меня со спины.

Оказалось — за фантик, да?

Я вытерла слезу и застегнула молнию на сумке. Насчет денег Игорь, конечно, прав. И бизнес, и дом за городом — все досталось ему от покойного отца еще до меня. Претендовать толком не на что.

Разве что на совместно нажитое — то, что на счетах накопилось за годы брака? Надо бы к юристу. Хотя бы ради Алисы — почему моя дочь должна остаться без копейки от родного отца?

Но если Игорь наймет лучших адвокатов города, а он наймет, — потяну ли я? Не выкрутится ли он, не найдет ли лазейку?

Ладно. Потом. Сначала — где жить, на что жить. Работа. Где-то в промежутке между устройством на работу и родами надо бы накопить денег на классного юриста, если это вообще возможно в моей ситуации — накопить…

Господи, мне ведь и правда зимой рожать!

От этой мысли у меня подкосились ноги, и я села на край кровати, уставилась невидящим взглядом в стену.

Зимой. Рожать. Мать-одиночка. И как я буду выкручиваться с двумя детьми?

***

Алису я нашла в детской. Она построила из кубиков башню и укладывала спать своих зверей.

— Лисенок, нам надо собираться. Мы поедем к тете Вике в гости.

— В гости? — обрадовалась она, но тут же нахмурилась: — Но мне же сколо спать. И папа обещал замок стлоить.

— Мы будем сегодня спать у тети Вики. Там Саша, ты будешь с ним играть…

— А папа?

Я закусила губу.

— Папа занят.

— А сказку на ночь? — губы у нее задрожали. — Папа не почитает?

— Сегодня я почитаю.

— А па-а-а-па-а-а?

Она заплакала, и я еле-еле ее успокоила, кое-как одела, собрала. Игорь так и не вышел. Сидел, наверное, в кабинете за закрытой дверью. Не соизволил нас проводить.

Когда-нибудь он поймет, что ошибся, узнает, что Алиса — все-таки его дочь. Прибежит, будет умолять простить. Но будет поздно. Я не прощу. Никогда!

Мы вышли из дома, спустились по ступенькам. У крыльца стояла машина — та, что раньше всегда была в нашем с Алисой распоряжении.

Ефим Сергеевич, водитель, вышел и молча помог уложить сумки в багажник. Он не смотрел мне в глаза. Ему было неловко, я видела.

Мы с Алисой сели назад, я устроила ее в детском кресле.

— Куда поедем, Татьяна Алексеевна? — смущенно спросил он.

— Секунду, Ефим Сергеевич. Мне надо позвонить.

Я набрала Вику, и она сразу ответила.

— Вик, это я. Можно к тебе? Прямо сейчас.

— Тань? Что случилось, голос какой-то…

— Приеду, все расскажу. Можно?

— Что за вопрос, конечно, приезжай.

Я назвала Ефиму Сергеевичу адрес — центр города, минут тридцать без пробок в этот час.

Машина мягко тронулась. Ворота особняка бесшумно раздвинулись, пропуская нас. Я обернулась и посмотрела в заднее стекло, словно со стороны наблюдая, как тонет в сумерках дом, где я была счастлива. Как остается позади моя прошлая счастливая жизнь.

Оказывается, прошлое было обманом. Если бы Игорь нас любил, он бы не смог, никогда…

Алиса задремала в кресле, не доехав до города. А я всю дорогу смотрела в окно и не проронила ни слезинки.

Глава 3

Таня

Вика живет в трехкомнатной квартире в центре — купила ее несколько лет назад в ипотеку, «на вырост», как она говорила.

Мы добрались до нее около половины десятого. Алису я, сонную и обиженную на всех, кое-как уложила спать в комнате, которую Вика сразу нам выделила. Дочка посопела немного и уснула, милая, как рыжий пушистый котенок.

А потом мы с Викой устроились на кухне.

Вика старше меня на шесть лет. Всю жизнь она была для меня скалой — той, к которой можно прислониться, когда все рушится. Финансовый аналитик, деловая, острая на язык, она построила карьеру с нуля и никого никогда не боялась. Даже когда решила родить Сашу «для себя», не дожидаясь ни свадьбы, ни принца, — просто пожала плечами и сказала: «Хочу ребенка. Значит, будет ребенок. А мужики — дело десятое».

Сейчас она поставила передо мной кружку с чаем, села напротив и сказала:

— Ну, рассказывай.

И я рассказала. Про результаты тестов, про три лаборатории, про «пошла вон из моего дома», про лживую тварь, про вазу об дверь.

Вика слушала, не перебивая, и лицо у нее каменело все больше. К концу рассказа она стиснула кружку так, что побелели костяшки.

— Значит, три теста, — медленно проговорила она. — И везде ноль.

— Угу.

Я снова почувствовала, как подступают слезы, хотя думала, что все выплакала.

— Вик, я же знаю, — добавила я. — Точно знаю, что Алиса — его! У меня же никогда никого, кроме него, не было! Как это может быть, я не понимаю, я схожу с ума…

Вика хлопнула ладонью по столу.

— Стоп. Не сходишь ты с ума. Давай думать головой.

Она отхлебнула чаю, прищурилась.

— Вариант первый. Подмена в роддоме.

— Алиса же на меня похожа!

— Ну, вот такое совпадение.

— Не знаю. Совпадение из разряда ненаучной фантастики. Так только в сериалах бывает — совершенно случайно герой заглянул в кусты, а там стоит рояль…

— Ладно, согласна. Тогда вариант второй, самый очевидный, — Вика посмотрела на меня в упор. — Он просто врет.

— Что? Зачем?

— Тань, ну подумай сама. Мужик пять лет живет с женой, вроде, обожает ее и дочь. И тут — раз! — идет делать тест ДНК. С чего вдруг? Откуда такая подозрительность? Однако…

— Однако что?

Вика подалась вперед.

— Однако самое простое объяснение — самое верное. Допустим, у Игоря баба. Любовница. И он решил уйти. Но уйти просто так, сказать «я тебя разлюбил, встретил другую» — это же он козел получается, бросил жену с ребенком. А он себя козлом чувствовать не хочет. Ему надо, чтобы виноватой была ты. И вот он рисует эти бумажки — если обратиться к специалисту, тебе любую бумажку нарисуют, хоть о том, что ты марсианка. А потом предъявляет тебе: ты мне изменяла, дочь не моя, я бедняжка и жертва. У него совесть чиста, а ты во всем виновата, и разводится он с гордо поднятой головой.

Я молчала. В ее словах была определенная логика, но…

— Но зачем так сложно? — прошептала я. — Он мог просто сказать, что решил развестись. Я бы не стала цепляться, я бы не смогла его удержать, если бы он сам захотел уйти…

— Затем, что мужикам важно быть хорошими в собственных глазах, — жестко сказала Вика. — Все они такие. Ему важно не «я бросил семью», а «меня предали, я вынужден». Разница огромная, поверь мне, Тань. Он подделал эти тесты, другого объяснения нет. Все мужики — козлы, а некоторые еще и подлые козлы.

Я опустила голову. Ну, эта версия хотя бы что-то объясняла. Хотя бы возвращала мне рассудок.

Но что-то внутри все равно скреблось. Я вспоминала его лицо — растерянное, когда он держал на руках Алису. Так не играют. Или играют? Я больше ничего не понимала.

— Знаешь, — сказала я наконец, — я так на него зла, что готова его убить. И никогда не прощу. Но… мне все равно трудно поверить, что человек, которого я любила пять лет, способен на такую мерзость. Специально, расчетливо…

— Надо поверить, — отрезала Вика. — Тебе же легче будет. Хватит его выгораживать.

— Наверное, ты права, — я вздохнула. — Хотя… а вдруг Алису все-таки подменили? Ну, как-то… не знаю…

— Слушай, просто возьми и проверь это.

— Что?

— Да сходи в лабораторию сама. Сдай тест на себя и Алису. А то ты изведешься.

Я подумала и кивнула. Хотя бы одну переменную из этого безумного уравнения я могу убрать сама.

Потом мы стали думать про деньги. Вика — она такая, ей нужен план, цифры, конкретика, это ее способ держать удар.

Я открыла банковское приложение. На карте, куда Игорь скидывал деньги «на хозяйство», лежало чуть больше ста тысяч. По нынешним временам — слезы.

— Так, — Вика постучала пальцами по столу, будто по калькулятору. — Самая плохенькая однушка на окраине — это двадцать плюс коммуналка, плюс залог за месяц вперед, плюс комиссия риелтору. Считай, минус пятьдесят сразу, а то и больше. Останется пятьдесят. Это, даже при самой серьезной экономии, месяца на полтора жизни с ребенком. Да меньше, ведь во второй месяц снова придется отстегнуть двадцадку за квартиру. Короче, тебе нужна работа. И срочно, Тань.

— Конечно, я и сама уже об этом думала.

— Причем, — она подняла палец, — тебе работа нужна не только ради денег. Ты когда рожать?

— В январе, наверное.

— Значит, до января тебе нужно официально устроиться, чтобы потом получить декретные. Иначе останешься вообще без выплат. Так что надо впрягаться в какую-то работу, пока живот не видно. Прямо сейчас.

Я кивнула. Все верно она говорила, все по делу.

Вот только работать я толком не умею. Я историк по образованию — думала, пойду в школу, буду учителем. Но после диплома сразу вышла за Игоря, забеременела, родила. Какая работа с младенцем? Потом Алиса в три года пошла в садик — Игорь, конечно, выбрал самый дорогой, частный, с маленькими группами, — но все равно болела через неделю. Неделю ходит, две дома. О какой работе речь?

Только к этой весне Алиса немного окрепла, стала реже болеть, и я уже подумывала осенью устроиться в школу. Игорь, правда, кривился: «Зачем тебе это? Я что, мало зарабатываю?»

А теперь — вот оно как обернулось.

— В школу ты не пойдешь, — отрезала Вика, будто прочитав мои мысли. — Тебе сейчас деньги посерьезнее нужны, а учитель без опыта ничего серьезного сразу, с первых дней, не получит. Значит, ищем что-то другое. Завтра поспрашиваю на работе, у знакомых. Что-нибудь придумаем.

Потом она нахмурилась.

— И вот еще что. Мне не нравится идея снимать конуру на окраине. Садик Алисы где? В центре. Значит, ты будешь возить ее через полгорода на автобусах, с пересадками, по часу в один конец. Ребенок опять начнет болеть, только хуже. Нет! — Вика решительно махнула рукой. — Живите пока у меня. Комната свободная есть, вам с Алисой хватит. Дети вместе — Сашке только радость. Никаких съемов, пока на ноги не встанешь.

— Вик, ну как я могу… вы же…

— Можешь, — она строго посмотрела на меня. — Ты мне сестра. Или ты бы меня не пустила?

Тут я расплакалась снова, на этот раз — от благодарности. Разревелась, как дура, и Вика обняла меня через стол, неловко, но крепко.

— Все будет хорошо, — сказала она мне в макушку. — Слышишь? Ты сильная. Мы, Королёвы, все сильные. Прорвемся. Мы же королевы, ты забыла, ну?

Королёвы, да. Королевы, как нас с Викой называли в школе. Надо же, я снова стала Королёвой. Как будто и не было этих пяти лет.

Глава 4

Таня

Алиса давно спала, вытянувшись по диагонали, обнимая своего одноухого мишку. А я лежала рядом, смотрела в темный потолок, и сон не шел.

Думала о том, как мне повезло с сестрой. С родными вообще.

Мы выросли в маленьком райцентре в области — тихий городок, каких десятки, с одной центральной площадью, с домом культуры и рекой на окраине. Папа всю жизнь работал на местном заводе, мама — в детской поликлинике.

Жили небогато, но дружно. У нас в семье никогда не было скандалов, криков, битой посуды — только тепло, только «мир и лад», как говорила бабушка.

Мама пекла пироги по выходным, папа чинил все в доме своими руками, а по вечерам мы все вместе играли в лото и хохотали до слез.

Вика уехала в город первой — поступила, отучилась, зацепилась. Сначала снимала студию на пару с подругой, потом купила эту трешку. Взяла именно три комнаты сознательно: «Родители не молодеют. Рано или поздно заберу их сюда».

Правда, родители пока переезжать не хотели — у них дом, огород, куры, соседи, вся жизнь там. «В твоих человейниках мы задохнемся», — отмахивался папа.

Я приехала в город следом за Викой — поступила на истфак. Жила в общаге, а Вика уже вовсю строила карьеру.

А потом появился Игорь, и я так и не доехала до собственной взрослой самостоятельной жизни — сразу из общежития переехала в его особняк.

Из студентки — в жены богатого человека. Минуя все то, через что прошла Вика: съемное жилье, дешевая лапша, подработки, первые зарплаты.

Может, поэтому я сейчас чувствую себя такой растерянной и беспомощной. Я так и не научилась стоять на своих ногах. За меня всегда кто-то стоял — сначала родители, потом Игорь.

Вот и допрыгалась.

Потом я подумала: хорошо, что у Вики есть сынок, который сейчас спит в соседней комнате. Саша Алисе не просто двоюродный брат — он ее лучший друг. Они с рождения вместе — почти ровесники, разница в пару месяцев, — и когда мы приезжаем в гости, их не растащить.

Алиса наверняка переключится на игры с Сашей и будет меньше вспоминать Игоря. А там, глядишь, и вовсе забудет своего горе-папашу. Дети быстро все забывают. Так будет лучше для нее.

Я прикинула планы на будущее — по Викиной методике, по пунктам, чтобы не сойти с ума от бессилия.

Частный садик оплачен до конца года. Значит, Алиса пока походит туда, не буду срывать ее и пытаться устроить в муниципальный. Сама я как можно быстрее подыщу себе работу. Зимой рожу.

А потом… потом уеду с детьми к родителям, в наш городок. Точно.

Родители помогут с малышом, пока он совсем крошечный. Алису устрою уже на месте в муниципальный садик — может, даже в тот самый, куда ходила я сама сто лет назад. А позже выйду учителем истории в местную школу — учителя везде нужны, а уж в райцентре тем более.

План был так себе. Отступление по всем фронтам. Из жены бизнесмена — в мать-одиночку в захолустье. Но это был хоть какой-то план, хоть какая-то земля под ногами.

Только одно не давало мне покоя, крутилось и крутилось в голове, мешая уснуть.

Как получились эти результаты тестов? Если Вика права и Игорь их подделал — ладно, тогда все сходится, тогда он просто подлец с любовницей. Но если не подделал? Если он правда носил образцы в три разные лаборатории, честно, веря, что произошла ошибка, — а получил три раза «ноль»?

Тогда это вообще необъяснимо.

Я закрыла глаза. «Наверное, Вика права, — сказала я себе. — Любовница, все просто. И если у него есть любовница, это рано или поздно всплывет. Я о ней еще услышу».

С этой мыслью я наконец провалилась в сон.

***

Утром Вика умчалась рано — закинуть Сашу в садик, а сама на работу. Мы с Алисой собрались следом. По дороге в ее садик мы завернули в лабораторию, название которой я нагуглила по дороге. Не «ДНК-Гарант», не «Геноме» и не «Витес» — их результатам я не смогу себя заставить доверять.

— Здравствуйте, я хочу сделать тест на родство. Мать и ребенок.

Девушка за стойкой кивнула, деловито застучала по клавиатуре.

— С вас образцы буккального эпителия — это просто мазок из ротовой полости, ватной палочкой, ничего страшного. И вам, и девочке.

Пока оформляла заказ, я не выдержала:

— А скажите… вот такое бывает, что результат ложный? Что человек — родитель, а тест показывает ноль процентов?

Девушка посмотрела на меня с легким удивлением.

— Ложноотрицательный? — она покачала головой. — Нет, исключено. Технология такая, что, если родство есть, оно определится.

— Понятно, — тихо сказала я. — Спасибо большое.

Мы с Алисой послушно открыли рты, дали поводить палочками за щекой — Алиса хихикала, ей было щекотно, — и я оставила свою электронную почту.

— Результат придет на имейл через три-четыре рабочих дня, — сказала девушка.

Три-четыре дня. Что ж, подожду.

Я отвела Алису в садик — она уже почти повеселела, рассказывала, как будет играть с подружкой Соней. Потом я направилась обратно к Вике. Хоть что-то хорошее: от Викиного дома до садика — двадцать минут пешком.

По дороге пришло сообщение от Игоря.

«Ефим Сергеевич сказал, что отвез тебя на Комсомольскую. Я так понимаю, ты у Вики. Ваши с Алисой вещи упаковали, доставят сегодня в 15.00. Будь готова принять».

Ни «здравствуй», ни «как вы». Будто чужой человек пишет чужому человеку.

***

В три часа приехали грузчики. Занесли сумки — я насчитала десять штук.

Пять лет жизни, целый огромный дом, гардеробные, полные вещей, детская, заваленная игрушками, — а поместилось все в десять дорожных сумок. Одежда, Алисины книжки и игрушки, кое-какая мелочь. Вот и все, что осталось от моего замужества.

Я разбирала сумки долго, аккуратно развешивала Алисины платьица в шкаф, расставляла на стеллаже ее игрушки — зайца, лошадку, набор пластиковых зверей. Устраивала нам гнездо — новую жизнь на обломках старой.

Я не плакала, слезы наконец-то кончились. Внутри было пусто и холодно. И только где-то на самом дне, под этой пустотой, тлел маленький злой уголек.

Ты еще пожалеешь, Игорь.

Ты еще будешь рыдать и умолять.

А я не прощу.

Вечером Вика вернулась с работы вместе с Сашей, а я привела Алису из садика. Дети с визгом кинулись друг к другу и умчались играть, а мы с Викой встали к плите — готовить ужин на всех. И это было даже уютно: две сестры на кухне, шкворчит сковородка, за стеной хохочут наши дети.

— У меня для тебя новость, — сказала Вика, помешивая морковь на сковороде. — Хорошая, кажется.

— Какая?

— Нашлась тебе работа. Точнее, вариант. Через Лильку из нашего офиса узнала — есть у нее знакомая, а у той муж… неважно. Короче. В одну компанию требуется секретарь директора. Личный помощник. Зарплата приличная, для тебя — очень приличная. Опыта особого не требуют, там больше на человеческие качества смотрят: чтоб соображала, была аккуратная, приятная в общении. Ты подходишь.

— Секретарь? — я задумалась.

Понятия не имею, что делают секретари. Отвечают на звонки и носят директору кофе? Впрочем, выбирать не приходится, наверное.

— А что за компания?

— «Эверест». Строительная.

Я замерла с ножом над разделочной доской.

— Вик. «Эверест» — это же…

— Что?

— Это конкуренты Игоря. Прямые. «Мега» и «Эверест» — они на всех тендерах бодаются, вечно друг другу дорогу переходят. Игорь их терпеть не может, всегда так злился, когда они какой-нибудь контракт перехватывали…

Вика повернулась ко мне, уперев руки в боки.

— И что? — спросила она с вызовом. — Ты Игорю теперь что-то должна? Обязана хранить верность его бизнесу после того, как он тебя с ребенком вышвырнул на улицу? Может, тебе еще и на его конкурентов работать совесть не позволяет, из уважения, а?

Я открыла рот — и закрыла.

Ведь и правда. Что я ему должна? Ничего. Ровным счетом ничего.

— Ты права, — сказала я и снова взялась за нож. — Абсолютно ничего я ему не должна.

— Вот и умница, — Вика довольно кивнула. — Я скину тебе контакт. Завтра позвонишь, договоришься о собеседовании. Ты справишься, Тань.

Я положила свободную руку на живот — там, глубоко, была моя маленькая тайна. Мой второй малыш, о котором Игорь не узнает никогда.

— Справлюсь, — сказала я. — Обещаю.

Глава 5

Таня

Собеседование мне назначили на следующий же день. Я позвонила по номеру, который скинула Вика, — ответила приятная девушка из отдела кадров, задала пару вопросов и сказала:

— Ждем вас завтра к одиннадцати. Артем Сергеевич сам проводит финальное собеседование, и завтра он в это время как раз в офисе.

— Артем Сергеевич — это?..

— Генеральный директор, Артем Сергеевич Горский. Он всех своих помощников отбирает лично.

Вот так, сразу генеральный директор. У меня душа ушла в пятки — мысленно я была настроена на первую встречу с кем-то из отдела кадров.

Вика вечером устроила мне репетицию. Заставила надеть свою строгую блузку и черную прямую юбку — у меня самой деловых вещей как-то и не нашлось. Придирчиво осмотрела, велела забрать волосы, напомнила про нюдовый макияж, как будто я бы пошла на собеседование с боевым раскрасом индейца.

— Держись уверенно, — инструктировала она. — Не мямли. Смотри в глаза. И ради бога, не рассказывай ему про Игоря, про развод, про то, что беременна. Про беременность — вообще молчок, пока уже видно не станет. Тебе ведь еще испытательный срок надо пройти. Поняла?

— Угу.

— Таня, ты у нас умная и красивая. Ты справишься.

Офис «Эвереста» располагался в новом стеклянном бизнес-центре. Я поднялась на лифте на верхний этаж, назвала себя строгой девушке на ресепшене, и меня попросили подождать.

Я сидела в кожаном кресле, сжимая сумочку на коленях, и чувствовала себя самозванкой. Кругом сновали уверенные люди в костюмах, все при деле, все на своем месте. А я — вчерашняя домохозяйка, которая за пять лет не проработала ни дня.

— Дмитриева Татьяна Алексеевна? Проходите. Артем Сергеевич вас ждет.

Я вошла в кабинет — просторный, светлый, с панорамным окном во всю стену, откуда открывался вид на полгорода. И увидела своего потенциального босса.

Артем Сергеевич Горский оказался не таким, каким я его представляла. Я почему-то ждала грузного солидного дядьку, а из-за стола поднялся высокий, подтянутый мужчина лет тридцати пяти или чуть старше, в идеально сидящем на нем темно-сером костюме без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки.

Волосы с легкой проседью на висках. Правильные, чуть жесткие черты лица. Прямой взгляд серых глаз — оценивающий, но не наглый. От него исходило аура уверенности, которая бывает у людей, привыкших, что всё вокруг подчиняется их воле.

— Татьяна? — он показал ладонью на стул напротив его стола. — Присаживайтесь.

Я села. Артем Сергеевич откинулся в кресле.

— В резюме у вас негусто, — сказал он, кивнув на распечатанный лист на столе. — Диплом истфака, опыта работы — ноль. Почему я должен взять на должность личного помощника человека без опыта?

Я сглотнула. Вспомнила Викин наказ: не мямлить, смотреть в глаза.

— Потому что человек без опыта, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — не приносит с собой чужих привычек и чужих ошибок. Меня не надо переучивать. Я буду делать так, как нужно вам, а не так, как меня научили на прошлом месте. И я очень быстро учусь.

— Неплохо, — усмехнулся он уголком рта. — А почему вы пять лет не работали?

Опасный вопрос.

— Семейные обстоятельства, — ответила я ровно. — Сейчас они изменились. Мне нужна работа. И я готова работать, а не отсиживать часы.

Он молча смотрел на меня еще несколько секунд. А потом кивнул, будто принял какое-то решение.

— Знаете, Татьяна, — сказал он, — сегодня я побеседовал с тремя кандидатами на эту должность. И вчера с пятью. Все с опытом, с рекомендациями, с гладкими резюме. Но все они… слишком старались мне понравиться. Заискивали, даже, я бы сказал, лебезили. Это было неприятно. А в вас я не вижу такой отвратительной черты.

Я не знала, что ответить, поэтому промолчала.

— Испытательный срок — два месяца, — продолжил он деловито. — Не понравитесь мне — расстанемся без обид. Понравитесь — оформим по полной, с белой зарплатой, соцпакетом, все как положено. Устраивает?

— Устраивает, — улыбнулась я. — Спасибо.

— Тогда добро пожаловать в «Эверест», Таня. Выходите завтра к девяти.

***

Первая неделя стала для меня настоящим испытанием. Я и представить не могла, сколько всего должен уметь личный помощник.

Календарь встреч, который менялся по десять раз на дню. Звонки — бесконечные, от партнеров, подрядчиков, чиновников, каждому нужно ответить правильно, никого не обидеть, но и не допустить к телу босса никого лишнего.

Документы, которые надо было готовить, распечатывать, сортировать. Кофе, кофе, кофе, заказ билетов и гостиниц, рестораны для деловых обедов. И все это — быстро, еще вчера.

Я тонула. В первый день перепутала две встречи и чуть не отправила важного подрядчика на час раньше. Во второй — соединила с Артемом Сергеевичем звонок, который надо было отфильтровать, и он потом полчаса разгребал последствия.

Я ждала, что он меня уволит или хотя бы устроит разнос. Но Горский не устраивал.

— Перепутала встречи? — уточнил он, когда я, красная от стыда, призналась в первом проколе. — Бывает. Заведи себе цветовую маркировку в календаре: красное — не двигать ни при каких обстоятельствах, желтое — можно перенести. И проговаривай вслух перед звонком, кого с кем соединяешь. Мозг так лучше запоминает.

Он не орал, а спокойно объяснял. И явно был заинтересован в том, чтобы я научилась, а не в том, чтобы ткнуть меня носом.

Через несколько дней я освоилась. Завела цветной календарь, как он советовал. Научилась фильтровать звонки. Вникла во все тонкости.

— А ты и правда быстро учишься, — сказал как-то Горский, забирая у меня папку с готовыми документами.

— Стараюсь, — улыбнулась я.

На четвертый день моей работы, среди всей этой круговерти, мне на личную почту пришло письмо.

Я обнаружила его в обеденный перерыв, сидя одна в маленькой кухне для сотрудников. Тема письма: «Результаты исследования №...» — от той самой лаборатории.

Сердце заколотилось. Я поставила стакан с чаем, открыла вложение дрожащими пальцами.

«По результатам исследований, биологическое материнство Дмитриевой Татьяны Алексеевны в отношении Дмитриевой Алисы Игоревны не может быть исключено. Вероятность материнства составляет 99,9999%».

Ну слава тебе господи! Конечно, я — мать Алисы. Как же иначе?

Я откинулась на спинку стула и медленно выдохнула. Никакой подмены. Алиса — моя родная дочь. И, раз я ее мать, а других мужчин у меня не было, значит, Игорь — ее отец.

Вика права. Он подделал те тесты.

Я сидела и пыталась это осмыслить. Подделал. Специально. Выходит, у него правда кто-то есть, и он затеял весь этот омерзительный спектакль, чтобы выставить меня виноватой. Чтобы уйти чистеньким.

Но… зачем так сложно? Зачем городить огород с тремя лабораториями? Ну, сказал бы: «Разлюбил, встретил другую». Я бы не стала его держать.

Он же знает, что тесты фальшивые, — как же он с этим живет? Как это уживается у него в голове: он смотрел мне в глаза и обвинял в измене, зная, что сам все подстроил?

Я потерла виски — голова шла кругом.

«Стоп, — сказала я себе. — Так можно сойти с ума».

Я знаю главное: Алиса — наша с ним дочь. А он — подлец, который вышвырнул нас под выдуманным предлогом. Всё. Точка. Хватит об этом думать.

А любовница всплывет, обязательно. И тогда все встанет на свои места.

Глава 6

Таня

Прошла еще неделя. Я уже совсем освоилась — работа перестала пугать, наоборот, мне даже начало нравиться. Приятно было чувствовать себя нужной, компетентной, приятно было, что я сама зарабатываю, сама справляюсь. Впервые за долгое время я ощущала твердую почву под ногами.

Однако вскоре появилась новая проблема. Я стала замечать, что Артем Сергеевич смотрит на меня по-другому, не так, как в самом начале.

Я списывала это на свое разгулявшееся воображение. Но потом стали накапливаться мелочи. Он все чаще задерживался у моего стола — просто поговорить, не по делу. Спрашивал, как прошли выходные, что я читаю, люблю ли я театр. Приносил кофе мне из дорогой кофейни на первом этаже бизнес-центра — «раз уж все равно зашел себе взять».

— Ты сегодня хорошо выглядишь, — сказал он мне как-то утром. И, поймав мой взгляд, добавил: — Впрочем, ты, Таня, всегда хорошо выглядишь.

Я растерялась и пробормотала в ответ «спасибо».

А в тот же день, ближе к вечеру, он подошел, оперся ладонями о край моего стола и сказал как бы между прочим:

— Слушай. А не поужинать ли нам сегодня вместе? Тут открылся очень приличный ресторан с итальянской кухней. Я как раз хотел проверить, стоит ли водить туда партнеров. Заодно и отметим твое боевое крещение — две недели продержалась, это уже отличный результат.

Он улыбался легко и обаятельно — будто и правда просто ужин, ничего особенного.

Но я-то тоже не вчера на свет родилась.

И мне эти ухаживания босса даром не нужны.

У меня, вообще-то, сердце разбито вдребезги. И там, среди осколков, нет места ни для какого нового мужчины.

— Спасибо, Артем Сергеевич, — сказала я как можно мягче. — Но я вынуждена отказаться. У меня… семейные обстоятельства. Дома ждут.

Что-то мелькнуло у него на лице — легкое разочарование, которое он тут же убрал.

— Ладно, нет так нет, — сказал он и выпрямился.

Но в глазах его я прочла, что он не отступил. Просто отложил.

«Горский, может, и неплохой человек, — размышляла я по дороге домой, глядя в окно автобуса. — Но мне совершенно не интересны новые отношения».

Через пару дней у нас случился небольшой аврал в офисе, срочно надо было подготовить документы к важному тендеру, и я была нужна, чтобы все разослать в срок. Мы просидели до половины седьмого вечера, хотя обычно я ухожу с работы без пятнадцати шесть — босс всегда отпускает чуть пораньше, зная, что мне надо забирать ребенка из садика.

А сегодня пораньше никак не получалось уйти. И когда я наконец закончила с этими документами, было понятно, что надо уже бежать. Садик до семи, но Алиса там, наверняка, осталась последняя из группы, грустит и ждет маму…

— Артем Сергеевич, ну, я пойду? — нервно уточнила я. — Мне в садик надо успеть, как можно скорее!

— Что-то случилось? — спросил Горский.

— Дочка в садике же, а садик до семи. Тут пешком как раз полчаса добираться, а если на автобусе, то столько же получится — самый час пик, пробки.

— Идем, — кивнул он и поспешил к выходу из кабинета. — Объедем пробки дворами и переулками, будет быстрее. Какой садик, адрес?

— Артем Сергеевич, не надо, я сама… пешком…

Он посмотрел на меня твердо.

— Таня. Это я тебя задержал. Значит, мне и исправлять. Пойдем, ребенок ждет.

Тут сложно было что-то возразить.

Мы действительно объехали пробки второстепенными улицами, по которым не ездят автобусы.

— Пять минут, и будем на месте, — сказал он, не отрывая глаз от дороги. — Сколько дочери?

— Четыре.

— Хороший возраст, — улыбнулся он. — Как зовут?

— Алиса.

Без десяти семь мы уже были на месте. Я выскочила из машины, взлетела на крыльцо садика. Слава богу, Алиса оказалась не последней — на крыльцо следом за мной поднялась мама еще одного мальчика из группы, так что моя девочка хоть не одна куковала.

— Мама! — Алиса кинулась мне на шею. — Ты сегодня долго-долго не плиходила!

— Прости, зайка, прости, мое солнышко! У мамы было очень много работы.

Я вывела Алису на улицу, держа за ручку, — и увидела, что Артем Сергеевич никуда не уехал. Стоял, прислонившись к машине, ждал.

— Ну что, все в порядке? — спросил он, глядя на Алису с любопытством.

— Да, спасибо вам огромное. Мы теперь сами доберемся, не буду вас больше задерж…

— Так, садитесь, — перебил он спокойно. — Отвезу вас обеих домой.

— Артем Сергеевич, нет.

— Да, Таня.

— А ты кто? — Алиса, ничуть не смущаясь, разглядывала его снизу вверх.

Он присел на корточки, оказавшись с ней на одном уровне.

— Меня зовут Артем Сергеевич. Я работаю вместе с твоей мамой. А ты, значит, Алиса?

— Да, — она важно кивнула. — А у моего папы тоже такая машинка, тоже класивая, только челненькая. А у тебя беленькая.

— Хочешь на моей прокатиться? Я вас домой отвезу.

— Хочу! — Алиса тут же обернулась ко мне, запрыгала. — Мам, ну поехали на беленькой машинке, ну ты чего?

Я вздохнула.

— Хорошо. Спасибо, Артем Сергеевич.

Всю дорогу Алиса щебетала без умолку, задавала кучу вопросов. Горский ей отвечал, и она была страшно этим довольна.

Мы быстро подъехали к Викиному дому — там ведь, на самом деле, недалеко. Артем Сергеевич остановился прямо у подъезда.

— Спасибо большое, — сказала я.

— Не за что, — он вышел, обошел машину, открыл нам дверь, как настоящий джентльмен. — Обращайтесь.

Мы выбрались наружу. Алиса, не желая расставаться с «беленькой машинкой» и новым знакомым, тут же затеяла с ним игру — стала показывать, как она умеет прыгать на одной ножке, и он с серьезным видом оценивал. Я стояла рядом, улыбалась, а Горский в какой-то момент подхватил Алису и посадил себе на шею — она завизжала от радости.

В итоге мы слегка задержались у подъезда, болтая о пустяках. Меня все это уже тяготило, но никак не получалось уйти.

Потом Горский все-таки спустил Алису на землю, и вдруг зачем-то взял мою руку — и галантно поднес к губам.

— До завтра, Таня, — сказал он, глядя мне в глаза.

Я вяло улыбнулась в ответ. Не стала уж вырывать руку, это, пожалуй, было бы невежливо после того, как он нас подвез.

Сама не знаю почему, я обернулась. Посмотрела в сторону — туда, где, чуть поодаль, в тени, стояла незнакомая припаркованная машина. Мне на миг показалось, что за рулем кто-то сидит и смотрит на нас.

Глава 7

Игорь

Первые дни после того, как выгнал Таню, я даже испытывал что-то похожее на мрачное удовлетворение — сделал то, что должен был. Вырвал гнилой зуб. Бродил по комнатам, говорил себе, что иначе было нельзя.

Но вскоре пустой дом начал давить.

Я возвращался вечером — и меня встречала тишина. Раньше из глубины дома слышался топот маленьких ножек и крик: «Папа плишел с лаботы!» — и Алиса вылетала мне навстречу, растопырив ручки, и я подхватывал ее, подбрасывал, а она визжала и хохотала. Прибегала Таня, улыбалась мне — это была теплая, домашняя улыбка, только для меня.

А теперь — тишина. Пустая, гулкая. Два раза в неделю приходит домработница, у ворот дежурит охрана, но большую часть времени в доме никого нет.

Каждый вечер я возвращаюсь домой, щелкаю выключателем, и свет зажигается в мертвых комнатах.

Ужинаю я теперь в ресторане, а раньше всегда ужинал дома. Раньше Таня сама готовила, и мы чаще всего ужинали вместе. Рассказывали, у кого как прошел день, Алиса щебетала без умолку, делилась своими переживаниями и хотелками, жаловалась на мальчишек в садике. Я рассказывал Тане, что у меня на работе, она — о своих планах на будущее, она все мечтала выйти работать в школу.

Но сейчас, когда дом опустел, какой смысл одному в столовой заседать, за этим огромным неуютным столом? Это как-то глупо.

А ночью хуже всего. Я привык засыпать, обнимая Таню со спины, а теперь ложусь на середину пустой кровати и не могу уснуть. Тяну руку в сторону по привычке, а там никого.

Я ненавижу ее. За то, что сделала. За измену, за ложь длиной в пять лет, за то, что Алиса — не моя.

И одновременно — я скучаю по ней и Алисе.

Оба этих чувства живут во мне одновременно, рвут душу пополам, и я не знаю, как с этим быть.

Я могу сколько угодно повторять себе: Алиса — не моя дочь.

Тесты это доказали.

Чужой ребенок, зачатый Таней от другого мужика, пока я, идиот, обеспечивал их, любил, считал своей семьей.

Но нельзя разлюбить ребенка по щелчку пальцев.

Я растил Алису четыре года. Я держал ее на руках, когда она родилась, — уже тогда, в первый момент, во мне что-то перевернулось. Я вставал к ней по ночам, менял подгузники, она делала первые шаги, держась за мои пальцы.

Я сочинял для нее дурацкие песенки на ночь, катал на плечах, покупал ей столько игрушек, что Таня ругалась: «Ты ее балуешь». Я знал наизусть все Алисины любимые книжки с картинками, знал, что она боится грозы и не ест вареный лук, знал, как она смешно морщит нос, когда не хочет перед сном чистить зубы.

Она была моей дочерью! Четыре года — была.

Я смог отменить Таню — вычеркнуть, возненавидеть. Но мне сложно отменить Алису.

Я пытался представить, как она там сейчас. Наверное, спрашивает Таню: «А где папа? Когда папа плидет?»

Что Таня ей отвечает? Сто процентов, рассказывает что-нибудь плохое про меня. Настраивает против!

А ведь Алиса ни в чем не виновата. Она — единственный по-настоящему невинный человек во всей этой грязной истории.

Мне хотелось ее видеть. Хотелось остаться в ее жизни хоть как-то — папой на выходные, кем угодно. Но как?

Формально, по документам, я пока отец — в свидетельстве о рождении, во всяком случае, указан. Но стоит дойти до суда, и Таня первая скажет, что я вовсе Алисиным отцом не являюсь, лишь бы не подпускать меня к дочери.

Она же так и сказала тогда: «Ты больше не будешь иметь возможности видеться с Алисой».

Таня отберет у меня и это.

Я ненавидел ее еще сильнее — за то, что она отняла у меня не только себя, но и Алису. Разрушила все. Все то счастье, которое у меня было и которое, как выяснилось, было построено на лжи.

***

Я держался, честно держался. Думал: не надо рвать душу ни себе, ни ребенку. Отпусти. Забудь. Она тебе никто, они обе тебе никто.

Но однажды, недели через две, я в конце рабочего дня просто встал с кресла, вышел в приемную, сказал секретарю Никите, что сегодня ухожу пораньше, и он тоже может уходить и закрывать кабинет.

А потом взял на посте охраны ключи от неприметной служебной машины. Водителю сказал, что поеду сам, и спустился на парковку. Свой Порше Кайен оставил там, на подземной парковке бизнес-центра. Сел за руль служебной Весты.

Я знал, что Алиса по-прежнему ходит в тот же садик — звонил, узнавал под предлогом «уточнить оплату». Прикинул: если Таня заберет ее около шести, то дома, у Вики, они будут в полседьмого, может, чуть раньше или чуть позже.

Я подъехал к Викиной многоэтажке, приткнулся в стороне от ее подъезда — так, чтобы мне было видно крыльцо, а меня из окон не разглядели. Заглушил двигатель и стал ждать.

Сидел, смотрел сквозь лобовое стекло. Двор жил своей жизнью — бабки на лавочке, дети на площадке, кто-то выгуливал собаку. Обычный двор обычного дома в центре города, куда переехала моя семья.

Моя бывшая семья.

Я хотел посмотреть на Алису, пусть даже издалека. Я не собирался подходить, просто убедиться, что с ней все в порядке. Просто увидеть. Мне это надо было. Я пообещал себе, что это в последний раз.

Полседьмого. Семь. Никого. Я начал беспокоиться. Где они? Может, Алиса заболела, и они сейчас сидят дома? Может, Таня повела ее к врачу? Внутри все сжалось от глупой отцовской тревоги — которую я, по идее, уже не имел права испытывать.

Начало восьмого. Я то и дело поглядывал на часы, барабанил пальцами по рулю. Хотел плюнуть и уехать — с чувством, что зря притащился, — но не мог. Все казалось, они задержались по дороге из садика, но вот-вот подойдут.

А потом во двор въехала машина — белый Порше Кайен, я не мог не узнать знакомую марку. Он подкатил прямо к крыльцу Викиного подъезда и остановился. Водитель вышел, открыл заднюю дверь, и из машины выбрались Таня и Алиса.

Я подобрался. Такси? Да ладно! Кто будет таксовать на Кайене?

У меня сердце провалилось куда-то вниз. Вот она, Алиса, живая, веселая, скачет. Таня рядом, стройная, красивая, рыжие волосы распущены.

Водитель выглядел солидно — в костюмчике, который неплохо на нем сидел, — сразу видно, не бедствует. Лица я его не видел, только со спины. Подумал вдруг, что ведь дверь

машины мужик откроет женщине только в одном из двух случаев: или он и в самом деле таксист на премиум-тарифе — или он за этой женщиной ухаживает.

Таня с Алисой не спешили уходить. Таня улыбалась, Алиса прыгала на одной ножке. Потом этот мужик наклонился, подхватил мою дочь на руки и посадил ее себе на шею.

Ах, да, не мою.

Вполне возможно, что он посадил себе на шею свою собственную дочь.

Алиса хохотала и радовалась, так же как радовалась, когда ее катал на плечах я.

Кто это? Ее отец? Танин любовник? Да у них прямо семейная идиллия!

И кто мешал ей обрадовать этого мужика новостью об отцовстве пять лет назад, раз у них такая идиллия? Зачем надо было дурить мне голову все это время?

Мужик держал на плечах мою — не мою — дочь, стоял у подъезда дома, где теперь жила моя — не моя — семья, такой уверенный, такой на своем месте, будто так и надо, будто всегда так и было. Будто это он, а не я, все эти годы должен был катать Алису на плечах.

Я подался вперед. Хотелось выйти из машины и…

Я не двинулся с места. Только смотрел.

Мужик спустил Алису на землю, повернулся — и взял Таню за руку. Поднес ее ладонь к губам. Поцеловал.

Она улыбнулась в ответ, руку не отняла.

А я вдруг понял, что знаю этого человека. Артем Горский, владелец компании «Эверест» и мой главный конкурент по совместительству.

Шикарно! Все эти годы моя жена изменяла мне с моим главным конкурентом.

Интересно, Горский уже сделал тест на отцовство, или он верит Тане на слово? Я раньше тоже верил…

А Таня вдруг обернулась.

Повернула голову — и посмотрела на мою Весту.

На меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.